

АРТЕМ ТРОФИМОВ
(Санкт-Петербург)

ВЕЛИКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА

М. В. Ломоносов и Христофор Колумб

Статья посвящена рассмотрению эволюции образа Христофора Колумба в творчестве М. В. Ломоносова. Исследование проводится на материале торжественных од, прозаических панегириков и научных сочинений великого русского учёного-энциклопедиста. В результате представлена гипотеза об эволюции образа Христофора Колумба в произведениях Ломоносова от художественной идеи к общественно-политической идеологеме, а также прослежено постломоносовское функционирование образа в русской литературе.

Ключевые слова: М. В. Ломоносов, Христофор Колумб, ода, общественно-политическая идеологема.

Информация об авторе: Трофимов Артём Евгеньевич, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: artem_trofimov_9@mail.ru

The Age of Discovery in Russian Literature of the XVIIIth century

The Case of M. V. Lomonosov and Christopher Columbus

The article discusses the evolution of the image of Christopher Columbus in M. V. Lomonosov's works. The research is based on the material of solemn odes, panegyrics in prose and scientific treatises of the great Russian polymath. As a result of the research, a hypothesis about evolution of the image of Christopher Columbus in Lomonosov's works from a poetical idea to a social and political ideologeme is presented. Besides, the post-Lomonosovian functioning of the image in Russian literature is observed.

Keywords: M. V. Lomonosov, Christopher Columbus, ode, social and political ideologeme.

About the author: Artyom Trofimov, postgraduate student at Saint Petersburg State University. Saint Petersburg, Russia.

E-mail: artem_trofimov_9@mail.ru

DOI 10.26172/2587-8190-2022-18-1-20-36

В начале Нового времени соревновательная парадигма стала одним из основных лейтмотивов истории нашего государства, во многом определив как геополитические стратегии и амбиции постпетровской России, так и внутреннюю политическую жизнь молодой империи. Волей Петра I выйдя на европейскую политическую арену в начале XVIII века, Россия в лице политической и культурной элиты испытывала понятную потребность заявить о себе, войти в семью ведущих европейских держав. Входя в неё, стремительно пытаясь догнать Европу в промышленной и военной сферах, российские элиты, тем не менее, ясно понимали необходимость усвоения европейского коммуникативного и культурно-семиотического языка, а также модели самоосмысления и самоописания, чтобы представить бывшую варварскую Московию равной европейским державам и даже превосходящей их. В сферу интересов России, в связи с этим, вошла и господствовавшая в то время в «элитарной» Европе «мода» на открытие новых земель с целью их последующей колонизации: таковыми в случае с Россией стали земли Сибири, Дальнего Востока, Аляски.

Агональным духом в XVIII века в России (как, в прочем, и в других странах Европы) была насыщена не только политика, но и культура, в частности — литература. Потребность сосязаться прослеживается даже в столь хрестоматийных художественных приёмах, как поэтических уподоблениях русских авторов иностранным: Ломоносов как «наших стран Малерб», Дмитриев как «русский Лафонтен» и др. Потребность искать в русской культуре западные «аналоги», выдвигать великих представителей своей нации наглядно свидетельствует о стремлении достичь уровня западных стран, представить русскую культуру как равную западноевропейской. В этой связи немаловажную роль играет проецирование не только культурных, но и историко-политических достижений европейской цивилизации.

Одним из великих начинаний царя Петра I стало научное изучение географии России и сопредельных территорий —

в первую очередь, инструментальные съёмки и составление «генеральных карт». Ключевую роль в освоении северо-восточного побережья Евразии и открытия кратчайшего морского пути в Америку сыграли две Камчатские экспедиции, в ходе которых был подробно описан Камчатский полуостров, острова Курильской и Алеутской гряды, открыт пролив, разделяющий два континента. Первая Камчатская экспедиция, в состав которой входили Витус Беринг, морские офицеры Алексей Чириков и Мартын Шпанберг, геодезисты Иван Евреинов и Фёдор Лужин и др., продолжалась с 1725-го по 1730-й год. В ходе неё исследователи добрались через Сибирь к побережью Охотского моря, где императором было поручено основать первый в России порт на Тихом океане. Оттуда экспедиция морским путём перебралась на Камчатку. В 1728 году в Нижнекамчатске был построен и спущен на воду бот «Святой Гавриил». 13 июля 1728 года под командованием Беринга бот двинулся на северо-восток. 17 июля экспедиция сделала первое географическое открытие — остров Карагинский. Бот заходил в Анадырский залив, залив Святого Креста, бухту Преображения, обогнул мыс Чукотский Нос (ныне — мыс Дежнёва). 10 августа был открыт остров Святого Лаврентия. Затем бот вошёл в Чукотское море и 15 августа достиг параллели $67^{\circ}19''$ северной широты. Не обнаружив берегов Америки, Беринг принял решение вернуться домой. На обратном пути был открыт один из островов Диомиды. 2 сентября «Гавриил» вошёл в губу реки Камчатки и встал там на якорь. Значение данного морского похода для географии заключается, в первую очередь, в открытии пролива между Азией и Америкой.

В 1773 году Берингу было поручено возглавить Вторую Камчатскую экспедицию. Витус Беринг и Алексей Чириков должны были пересечь Сибирь и от Камчатки направиться к Северной Америке для исследования её побережья. Мартыну Шпанбергу поручалось завершить картографирование Курильских островов и найти морской путь к Японии. Осенью 1740 года два пакетбота, «Святой Пётр» и «Святой Павел» вышли из Охотска к восточному побережью Камчатки. Здесь в районе Авачинской губы экспедиция перезимовала в бухте, названной Петропавловской в честь судов экспедиции. Здесь было заложено поселение, с которого начала свою

историю столица Камчатки — город Петропавловск-Камчатский. 4 июня 1741 года Беринг и Чириков вышли к северо-западным берегам Америки. 20 июня в условиях шторма и густого тумана суда потеряли друг друга. После нескольких дней бесплодных попыток соединиться мореплавателям пришлось продолжать путь уже поодиночке. «Святой Пётр» под командованием В. Беринга, потеряв в шторме корабль-спутник, 16 июля 1741 года на широте $58^{\circ}14'$ достиг берега Северной Америки в районе горы Святого Ильи. Возвращаясь на запад после открытия ряда островов Алеутской гряды, 5 ноября корабль Беринга потерпел крушение у берегов неизвестного острова. На нём 19 человек из состава экипажа умерли от цинги, а в последствии скончался и сам Витус Беринг. Командование принял штурман Свен Ваксель, под командованием которого из обломков корабля команде удалось построить новое судно и в августе 1742 года достичь Камчатки.¹

Сведения о результатах экспедиции доходили как до академических кругов, так и до широкой публики. Так, в 22-м номере «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1730 год была представлена сводка о первом американском походе: «Прошедшаго 28 дня февраля прибыл сюда из Камчатки паки навад от флота капитан господин Берингс, которой туда <...> отправлен был, и в 1727 годе весною в Охотской на крайней Сибирской границе первое судно построил, на котором он чрез Пензинское море в Камчатку переехал, и тамо на реке Камчаткеж в 1728 годе весною другое судно построил».² Кроме того, одним из значимых результатов экспедиции стало составления карт северо-восточного побережья Евразии, среди которых наибольшую известность получила карта П. И. Чаплина.

Карты, отчёты и другие сведения об экспедиции героически погибшего Беринга, несомненно, были знакомы многим членам Академии Наук, в том числе — вернувшемуся в Россию в 1741 году М. В. Ломоносову. Согласно сведениям, приводимым А. А. Костиным, Ломоносов мог быть знаком

¹ См. об этом: *Греков В. И.* Очерки по истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. М., 1960.

² В Санкт-Петербурге 16 дня марта // Санкт-Петербургские ведомости. 1730. № 22. С. 88.

с материалами экспедиции уже в 1746 году, буквально за год до обнародования оды, когда те были переданы в Академию Наук.¹

Спустя шесть лет Ломоносов впервые, насколько мы можем судить, упоминает о северо-восточных плаваниях в аллегорическо-поэтической форме.²

Се мрачной вечности запону
Надежда отверзает нам!
Где нет ни правил, ни закону,
Премудрость тамо зиждет храм;
Невежество пред ней бледнеет.
Там влажный флота путь белеет,
И море тщится уступить:
Колумб российский чрез воды
Спешит в неведомы народы
Твои щедроты возвестить.³

Здесь мы можем видеть, как впервые в творчестве Ломоносова появляется образ Христофора Колумба в антономазийной форме «русской Колумб», за которым, разумеется, стоит образ русского отважного мореплавателя. Она же практически в неизменном виде встречается и в более поздней оде Ломоносова 1752 года:

Помысли, зря дела толики
И труд, что можем понести,
Что может ныне Петр Великий
Чрез дочь свою произвести!
Напрасно строгая природа
От нас скрывает место входа

¹ См.: *Костин А. А.* «Описание Путешествия» в Америку Георга Стеллера: текстуальность (бес)славной экспедиции в 1740–1790-х гг. // *Дар дружества и муз: Сборник в честь Н. Д. Кочетковой.* СПб., 2018. С. 55–68.

² Совпадение или нет, но в том же 1747 году в Лейпциге вышел первый том «Allgemeine Historie der Reisen zu Wasser und Lande» (изд. Иоганн Иоахим Швабе), посвящённый Великим географическим открытиям конца XV века и содержащий, в частности, сведения о Колумбе. Это издание было найдено и описано в библиотеке Ломоносова. См. об этом: *Коровин Г. М.* Библиотека Ломоносова. М.; Л., 1961. С. 205–208.

³ *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч.: В 11 т. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 598. (В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома римскими цифрами и номера страницы арабскими цифрами.)

С берегов вечерних на восток.
Я вижу умными очами:
Колумб российский между льдами
Спешит и презирает рок (VIII, с. 502).

Вместе с тем стоит заметить существенную разницу в представлении образа Колумба в двух одах. В тексте 1747 года мы наблюдаем континуальный процесс, поданный в ярких, отчасти барочно-эмблематичных красках: действие разворачивается в максимально абстрактном, «белом и влажном» пространстве, по которому российский Колумб спешит неизвестно куда с целью возвестить щедроты императрицы. В то же время в более поздней оде намечается минимальная, но географическая конкретика: заданы координаты востока и запада, место разворачиваемого действия обозначено как ледяное. Однако образы обеих од вскрывают нацеленность автора на визуальную доминанту в восприятии со стороны читателя, характерную для ломоносовского канона, о чём писал, в частности, Маркус Левитт.¹ В связи с этим можно было бы развить мысль, высказанную Т. И. Смоляровой, о том, что в данной оде Ломоносов рисует как бы умозрительную картину, не доступную картографам своего времени, комбинируя естественнонаучные данные и корпус готовой поэтической и визуальной символики.² Абстрактный фон подчёркивает, что действие оды разворачивается в барочном мире идей, фрагментарно снабжённом «артефактами» научной реальности.

Устойчивость антономазийной формулы «Колумб российский» неоднократно подчёркивалась исследователями и была отмечена, в частности, в «Словаре антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века»,³ создающимся на базе

¹ См.: *Левитт М.* Визуальная доминанта в России XVIII века. М., 2015. С. 72–117.

² См.: *Смолярова Т. И.* О зрительных подтекстах одной ломоносовской строфы («Ода на день восшествия на престол 1747 г.», строфа XX) // С новой строки: Сборник статей к 70-летию Э. Л. Безносова. М., 2021. С. 137–138.

³ Словарь антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века / Науч. ред. С. С. Волков, Е. М. Матвеев, М. Г. Шарихина. СПб, 2022. С. 199–200.

Института лингвистических исследований РАН. Согласно сведениям, приводимым в словаре, нельзя сказать, что антономазия имеет конкретную личностную привязку, например, к Берингу. Во-первых, практически нигде в сочинениях Ломоносова не подчёркиваются личные заслуги Беринга, во-вторых — Ломоносов был прекрасно осведомлён об исключительной роли Чирикова в экспедиции. (По мнению составителей восьмого тома Полного собрания сочинений Ломоносова 1759 года, под «русским Колумбом» подразумевается непосредственно Чириков (с. 939) Мы позволим себе не столь однозначное толкование.) По-видимому, за выражением «русский Колумб» скрывается не конкретное историческое лицо, а собирательный образ русского мореплавателя-первооткрывателя новых земель. Обратим внимание на то, что в другом произведении Ломоносова, относящемся уже к образцам прозаического ораторского красноречия, — «Слове похвальном блаженным памяти государю императору Петру Великому» — уже несколько видоизменяется фразеологическая форма (теперь она приобретает форму множественного числа «новые Колумбы», благодаря чему усиливается аллегорическая апелляция не к конкретной исторической личности, а к идеологическому концепту русского мореплавателя, достойного сравнения с великим испанским путешественником): «Пространная Российская держава наподобие целого света едва не отовсюду великими морями окружается и оные себе в пределы поставляет. На всех видим распущенные Российские флаги. Там великих рек устья и новые пристани едва вмещают судов множество, инде стонут волны под тягостью русского флота, и в глубокой пучине огнедышущие звуки раздаются. Там позлащенные и наподобие весны процветающие корабли, в тихой поверхности вод изображаясь, красоту свою усугубляют, инде, достигнув спокойного пристанища, плаватели удаленных стран избытки выгружают к удовольствию нашему. Там новые Колумбы к неведомым берегам поспешают для приращения могущества и славы Российской, инде другой Тифис между сражающимися горами плыть дерзает, со снегом, со мразом, с вечными льдами борется и хочет соединить восток с западом» (VIII, с. 598).

Открытия северных экспедиций вызвали бурный общественный резонанс и исключительный интерес западноевропейской аудитории. Полученные картографические и геодезические результаты были использованы как российскими, так и западными учёными. В то же время в истории восприятия и распространения сведений о достижениях российских мореплавателей имели место и курьёзные случаи.

В 1752 году уехавший из России астроном и картограф французского происхождения Жозеф Никола Делиль издал небольшую двухчастную брошюру под названием «Explication de la carte des nouvelles decouvertes au nord de la mer du Sud» («Пояснения к карте новых открытий к северу от Южного моря»).¹ В первой части описывается история северной экспедиции Беринга и Чирикова и её результаты. Интересна вторая часть брошюры, где дана нашумевшая история испанского морехода Бартоломео де Фонте. Как нам удалось выяснить, сюжет о плавании Де Фонте не был придуман собственно Делилем. Ещё в 1708 году в лондонской газете «Monthly Miscellany, or Memoirs for the Curious» («Ежемесячный сборник, или Записки для любопытных») была напечатана первая часть того же самого рассказа о плавании Де Фонте (к сожалению, следующий по хронологии выпуск журнала со второй частью оказался нам недоступен).² При сравнении текстов становится очевидно, что история, рассказанная Делилем, является буквальным переводом англоязычной статьи на французский.

В чём заключается её сюжет? В брошюре сообщается, что в 1640 году, отбыв из южноамериканской Лимы, капитан Бартоломео де Фонте плыл к северу вдоль западного побережья Америки по приказу испанской администрации с целью перехватить британские корабли, прокладывавшие морской путь в Индию. По дороге, отважно перенося шторм и непогоду, он открыл побережье Аляски и ныне именуемый Беринговым пролив, исследовал его и вышел в море Баффины, встретив по пути два корабля, идущих из Бостона.

¹ *Delisle J.-N.* Explication de la carte des nouvelles decouvertes au nord de la mer du Sud. Paris, 1752.

² A Letter from Admiral Bartholomew de Fonte, then Admiral of New Spain and Peru, and now Prince of Chili... // *Monthly Miscellany, or Memoirs for the Curious.* 1708. April. Vol. 1. Issue 7. P. 123–126.

В сочинении сообщаются географические названия вплоть до точных координат. Иными словами, по убеждению Делиля, за сто лет до плаванья Беринга пролив, ныне носящий его имя, и американское побережье был открыты европейцами. Подлинность данной истории практически сразу вызвала сомнения. Прежде всего, из-за сомнительности данных в сочинении географических координат и несоответствий описаний географических объектов и их местоположения. Помимо этого российская публика угадывала явную тенденциозность издания: поставить под сомнение историческое право России на обладание Беринговым проливом и аляскинским побережьем по праву первооткрывателя.

Эта косвенная цель, разумеется, была воспринята в штыки (впрочем, сама она нигде явно не озвучивалась). Вскоре после выхода брошюры стали появляться многочисленные сочинения, опровергающие истинность истории о Де Фонте и оправдывающие исключительное историческое право России на обладание проливом и Аляской. В 1753 году историк Герхард Миллер издаёт «Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с Российской стороны учиненных», где подробно, начиная с походов Семёна Дежнёва и Алексея Усова, показывает движение русских на восток и открытие ими северо-западного побережья Североамериканского континента (Второй Камчатской экспедиции Миллер посвятил особый раздел в рамках своего сочинения¹). Немаловажную роль в обосновании права россиян на северо-западный проход сыграл и Ломоносов.

В последние годы жизни учёный занимался не только историческими трудами о полярных открытиях, но и теоретическими разработками, направленными на развитие полярного судоходства. В 1763 году выходит в свет фундаментальный труд «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» (VI, с. 417–498), ставший одной из вершин естественнонаучных исследований российского ака-

¹ См.: Миллер Г. Ф. Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю, с Российской стороны учиненных // Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М., 1996. С. 67–126.

демика. Изложенные проблемы судоходства в арктическом регионе и пути их решений, а также измышления относительно природных особенностей полярного региона, приводимые Ломоносовым в работе, не утратили актуальности до сих пор. Аналитическому осмыслению в этой работе подвергается и история об адмирале Де Фонте: «Все сие и многие мелкие обстоятельства не оставили б сомнения о северо-западном морском ходу; естли бы оное мореплавание все не было подозрительно, причин невероятности и сомнительств и на оные опровержений для краткости здесь уместить невозможно».¹ На сегодняшний день доказано, что сообщения о Де Фонте представляют собой одну из многочисленных мистификаций в области исследования Арктики, имевших признание в XVII–XVIII веках. Они отражают практические интересы конкурировавших между собою торговых обществ Западной Европы и их борьбу за захват новых морских путей в колониальные страны. В этой борьбе немалое участие приняли ученые общества и научные учреждения Европы.

Вместе с тем создание «Краткого описания...» имело целью не только теоретическое обоснование возможности дальневосточного полярного судоходства, но и практическое применение. Ломоносов активно участвовал в подготовке и организации экспедиции адмирала В. Я. Чичагова, призванной вновь проложить морской путь в Америку и Восточную Азию.² К сожалению, ввиду ряда просчётов экспедиция не принесла желаемого результата.

Вернёмся к теме русского Колумба в поэзии. В 1760-е годы идея доблестного русского мореплавателя-первооткрывателя продолжает существовать в творчестве Ломоносова, ярким примером чего является героическая поэма «Пётр Великий». Обратимся к следующему фрагменту, в котором передано обращение Петра к потомкам и похвала российскому флоту:

Тогда плывущим Петр на полночь указал,
В спокойном плаванье сии слова вещал:
«Какая похвала российскому народу

¹ Там же. С. 440.

² См., например: *Первалов В. А.* Ломоносов и Арктика. М.; Л., 1949. С. 385–466.

Судьбой дана, пройти покрыту льдами воду.
Хотя там, кажется, поставлен плыть предел,
Но бодрость подают примеры славных дел.
Полденный света край обшел отважный Гама
И солнцева достиг, что мнила древность, храма.
Герои на морях Колумб и Магеллан
Коль много обрели безвестных прежде стран;
Подвигнуты хвалой, исполненны надежды,
Которой лишены пугливые невежды,
Презрели робость их, роптанье и упор,
Что в них произвели болезни, голод, мор.
Иное небо там и новые светила,
Там полдень в севере, ина в магните сила.
Бездонный Океан травой, как луг, покрыт;
Погибель в ночь и в день со всех сторон грозит.
Опасен вихрей бег, но тишина страшнее,
Что портит в жилах кровь свирепых ядов злее.
Лишает долгой зной здоровья и ума;
А стужа в севере ничтожит вред сама.
Сам лед, что кажется толь грозен и ужасен,
От оных лютых бед даст ход нам безопасен.
Колумбы росские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток,
И наша досягнет в Америку держава;
Но ныне настoit в войнах иная слава».
Надежды полный взгляд слова его скончал,
И бодрый дух к трудам на всем лице сиял. (VIII, с. 703)

Обратим внимание на то, в какой форме подаётся здесь идея «русских Колумбов». При упоминании этой антономазии во множественном числе без привязки к конкретной личности следующий стих обнаруживает тон, выражающий явные территориальные претензии со стороны России — на территорию Америки. Именно здесь актуализируется иное значение — Колумб не просто как мореплаватель-первопроходец, а как покоритель Америки, тот, кто окончательно утвердит власть Российской империи на новых территориях.

После смерти Ломоносова в 1765 году более чем на 20 лет образ и идея российского Колумба стихла в русской поэзии. Связано это, вероятно, с общим ослаблением инте-

реса к северо-восточным экспедициям и отсутствием в этот период успешных экспедиций, сравнимых по своим масштабам с плаваниями Беринга и Чирикова. Лишь в конце XVIII века эта идея вновь обрела жизнь. В 1791 году в Санкт-Петербурге в издательстве Василия Сопикова вышли в свет записки путешественника Г. И. Шелихова под названием «Российского купца, именитого рыльского гражданина Григорья Шелехова первое странствование с 1783 по 1787 год из Охотска по Восточному Океану к Американским берегам...». На фронтисписе был изображён сам Шелихов в роли купца, который выменивает у аборигена товар на шкуры в окружении морских промысловых животных, а над головой героя пролетает покровитель торговли Меркурий. Сухие и деловые по стилю изложения, они были снабжены яркими иллюстрациями и примечательным эпиграфом из той же поэмы Ломоносова:

Колумбы росские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток,
И наша досягнет в Америку держава;
И во все концы достигнет россов слава.¹

Как видно, образ русского Колумба вновь актуализируется в этом издании, начиная играть другими красками. Сохраняя значение абстрактной идеологемы российского морского великодержавия, образ Колумба, хотя остаётся в форме множественного числа, применяется уже к конкретному историческому лицу — путешественнику и купцу Шелихову.

Открытым остаётся вопрос о том, кому принадлежит идея помещения данного фрагмента в качестве эпиграфа к книге — издателю Сопикову или самому Шелихову. По косвенным свидетельствам, а именно изменению последнего стиха катрена (напомним, что в ломоносовском оригинале он звучал как «Но ныне настает в войнах иная слава», что, разумеется, выглядело бы неуместным в этой книге) мы можем

¹ Российского купца, именитого рыльского гражданина Григорья Шелехова первое странствование с 1783 по 1787 год из Охотска по Восточному Океану к Американским берегам... СПб., 1795. [Фронтиспис].

предположить, что это был Шелихов, поскольку неуместное изменение ритмической структуры стиха с 6-стопного ямба на 6-стопный хорей вскрывает поэтическую неумелость автора, возможно, его плохую начитанность в поэзии, что не похоже на именитого библиографа Сопикова. Если предположения верны, то сделаем вывод, что Шелихов сам себя и свою роль в истории государства воспринимал как Христофора Колумба, иными словами сам усвоил и применил к себе идеологический образ, созданный Ломоносовым. В любом случае, даже если инициатором эпитафии являлся Сопиков, это свидетельствует о живости образа-идеологемы в конце столетия и о его реабилитации в связи с началом нового витка в процессе закрепления российского суверенитета над Беринговым проливом и основанием Русской Америки.

Ещё сильнее статус русского Колумба закрепляется за Шелиховым уже после смерти мореплавателя, когда в 1795 году Г. Р. Державин создаёт следующую эпитафию на его могилу:

Колумб здесь русский погребен:
 Преплыл моря, открыл страны безвестны;
 Но зря, что все на свете тлен,
 Направил паруса во океан небесный.¹

Здесь, уже в форме единственного числа, за образом русского Колумба уже закрепляется значение конкретного исторического лица, за счёт чего выражение из абстрактной антономазии превращается в отвердевшую перифразу.²

О рассматриваемом издании стоит сказать также следующее. Полное заглавие сочинения российского купца

¹ Державин Г. Р. Надгробие Шелехову // Соч.: В 3 т. СПб., 1864. Т. 1. С. 776–777.

² Закрепление за Шелиховым статуса русского Колумба проходило в творчестве Державина не одновременно. В обнаруженном издании сочинений Ломоносова, принадлежащего Державину, ещё при жизни мореплавателя поэтом была исправлена ломоносовская строчка с «Колумб российский через воды / Спешит в неведомы народы / Твои щедроты возвестить» на «Колумб наш — Шелихов чрез воды / Спешит в неведомы народы / Твои щедроты возвестить». См.: Грот Я. К. [Комментарии] // Державин Г. Р. Соч. Т. 1. С. 776.

выглядит следующим образом: «Российского купца Григорья Шелехова странствование с 1783 по 1787 год из Охотска по Восточному Океану к Американским берегам и возвращение его в Россию с обстоятельным уведомлением об открытии новообретенных им островов Кыктака и Афagnaка, до коих не достигал и славный Аглинский мореходец Капитан Кук, и с приобщением описания образа жизни, нравов, обрядов, жилищ и одежд обитающих там народов, покорившихся под Российскую державу; также климат, годовыя перемены, звери, домашния животныя, рыбы, птицы, земныя произрастения и многие другие любопытные предметы там находящиеся, что все верно и точно описано им самим: С географическим чертежем, с изображением самого мореходца и найденых им диких людей». Как видно, уже в названии всплывает ещё один персонаж — английский мореплаватель Джеймс Кук. Напомним, что в ходе третьего кругосветного путешествия (1776–1779 годы) целью капитана Джеймса Кука, данного ему британским правительством, было открытие Северо-Западного прохода — морского пролива, соединяющего на северных территориях современной Канады Атлантический и Тихий океаны. Необходимо это было для того, чтобы найти кратчайший возможный морской путь к западному побережью Северной Америки и Восточной Азии в обход контролируемого Россией пути по Сибирским морям. Проходя Берингов пролив, британские корабли оказались не готовы к огромному скоплению льдов, затрудняющих плаванье, вследствие чего Кук вынужден был прервать дальнейшее продвижение на север, высадившись на Алеутских островах, где русскими промышленниками ему была подарена карта, составленная Берингом. Таким образом, упоминая имя капитана Джеймса Кука и его бесславное последнее плавание, издатель как бы лишний раз указывает на превосходство русского мореплвателя над британским.

Мы постарались показать, как на протяжении XVIII века возникала и трансформировалась идея и поэтический образ «русского Колумба» и как она существовала в условиях напряжённой научной и геополитической борьбы великих держав. Можно сказать, что за столетия она стала не только поэтической метафорой, но и созданной Ломоносовым

общественной идеей, призванной, с одной стороны, доказать наличие в России великих мореплавателей, способных сравниться с европейскими, с другой — легитимировать для россиян право контроля над Беринговым проливом и западным побережьем Аляски. Более того, идеологическая метафора «российского Колумба» удачно вписывается в общий культурный тренд зрелой российской империи, когда на смену раннепетровскому культурному импорту приходит тенденция выдвигать вперёд достижения своей нации.

В целом XVIII век по своим поэтическим особенностям стал веком «живых идей», стремившихся воплотиться в жизнь из мира умозрительных сущностей. На примере «российского Колумба» нами было показано, как идея, поэтическая метафора, поэтапно старается воплотиться в жизнь усилиями автора, переживает своего создателя — и, наконец, воплощается одновременно в поэзии и в реальности. На своём пути метафора проходит много стадий: от образа — к идее, от идеи — к идеологеме, от идеологемы — к конкретному воплощению. Все эти этапы отображены в представленном материале. И мы имели возможность убедиться, что с течением времени в каждом новом произведении «российский Колумб» конкретизируется и воплощается сильнее и сильнее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В Санкт-Петербурге 16 дня марта // Санкт-Петербургские ведомости. 1730. № 22. С. 88.
2. Греков В. И. Очерки по истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. М., 1960.
3. Державин Г. Р. Сочинения: В 3 т. СПб., 1864. Т. 1.
4. Коровин Г. М. Библиотека Ломоносова. М.; Л., 1961.
5. Костин А. А. «Описание Путешествия» в Америку Георга Стеллера: текстуальность (бес) Славной Экспедиции в 1740–1790-х гг. // Дар дружества и муз. Сборник в честь Н. Д. Кочетковой. СПб., 2018. С. 55–68.
6. Левитт М. Визуальная доминанта в России XVIII века. М., 2015.
7. Ломоносов М. В. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений:

- В 11 т. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 417–498.
8. *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений: В 11 т. М.; Л., 1959. Т. 8.
 9. *Миллер Г. Ф.* Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю, с Российской стороны учиненных // Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М., 1996. С. 19–126.
 10. *Перевалов В. А.* Ломоносов и Арктика. М.; Л., 1949.
 11. Российского купца, именитого рыльского гражданина Григорья Шелехова первое странствование с 1783 по 1787 год из Охотска по Восточному Океану к Американским берегам... СПб., 1795.
 12. Словарь антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века / науч. ред. С. С. Волков, Е. М. Матвеев, М. Г. Шарихина. СПб, 2022.
 13. *Смолярова Т. И.* О зрительных подтекстах одной ломоносовской строфы («Ода на день восшествия на престол 1747 г.», строфа XX) // С новой строки: Сборник статей к 70-летию Э. Л. Безносова. М., 2021. С. 127–141.
 14. A Letter from Admiral Bartholomew de Fonte, then Admiral of New Spain and Peru, and now Prince of Chili... // Monthly Miscellany, or Memoirs for the Curious. 1708. April. Vol. 1. Issue 7. P. 123–126.
 15. *Delisle J.-N.* Explication de la carte des nouvelles decouvertes au nord de la mer du Sud. Paris, 1752.

REFERENCES

1. V Sankt-Peterburge 16 dnja marta // Sankt-Peterburgskije vedomosti. 1730. № 22. S. 88.
2. *Grekov V. I.* Oчерки iz istorii russkikh geograficheskikh issledovanij v 1725–1765 gg. M., 1960. (In Russ.)
3. *Derzhavin G. R.* Sochinenija: V 3 t. SPb., 1864. T. 1. (In Russ.)
4. *Korovin G. M.* Biblioteka Lomonosova. M.; L., 1961. (In Russ.)
5. *Kostin A. A.* «Opisanie Puteshestvija» v Ameriku Georga Stellera: tekstualnost' (bes) Slavnoj Ekspedicii v 1740–1790-kh gg. // Dar družestva i muz. Sbornik v chest' N. D. Kochetkovoju. Spb., 2018. S. 55–68. (In Russ.)
6. *Levitt M.* Visual'naja dominanta v Rossii XVIII veka. M., 2015. (In Russ.)
7. *Lomonosov M. V.* Kratkoje opisanije raznykh puteshestvij po severnym morjam i pokazanije vozmoznogo prokhodu Sibirskim okeanom v Vostochnuju Indiju // Lomonosov M. V. Polnoje sobranije sochinenij: V 11 t. M.; L., 1952. T. 6. S. 417–498. (In Russ.)
8. *Lomonosov M. V.* Polnoje sobranije sochinenij: V 11 t. M.; L., 1959.

- T. 8. (In Russ.)
9. *Miller G. F.* Opisanije morskikh puteshestvij po Ledovitomu i Vostochnomu morju, s Rossijskoj storony uchinennykh // Miller G. F. Sochinenija po istorii Rossii. Izbrannoje. M., 1996. (In Russ.)
 10. *Perevalov V. A.* Lomonosov i Arktika. M.; L., 1949. (In Russ.)
 11. Rossijskogo kupca, imenitogo rył'skogo grazhdanina Grigorja Shelekhova pervoje stranstvovanije s 1783 po 1787 god iz Okhotska po Vostochnomu Okeanu k Amerikanskim beregam... SPb., 1795. (In Russ.)
 12. Slovar' antroponimov v russkoj panegiricheskoj poezii XVIII veka / nauch. sed. S. S. Volkov, Ye. M. Matveev, M. G. Sharikhina. SPb., 2022. (In Russ.)
 13. *Smoljarova T. I.* O zritel'nykh podtekstakh odnoj lomonosovskoj strofy («Oda na den' vosshestvija na prestol 1747 g.», strofa XX) // S novoj stroki: Sbornik statej k 70-letiju E. L. Beznosova. M., 2021. S. 127–141. (In Russ.)
 14. A Letter from Admiral Bartholomew de Fonte, then Admiral of New Spain and Peru, and now Prince of Chili... // Monthly Miscellany, or Memoirs for the Curious. 1708. April. Vol. 1. Issue 7. P. 123–126. (In Eng.)
 15. *Delisle J.-N.* Explication de la carte des nouvelles decouvertes au nord de la mer du Sud. Paris, 1752. (In Fr.)